

Литературныя новости.

(„Мать“ М. Горькаго и „Инженеры“ Н. Гарина).

Въ 17-й книжкѣ „Знанія“ продолжается романъ М. Горькаго: „Мать“. Если начало этого романа во многихъ возбудило сомнѣнія, то продолженіе окончательно укрѣпляетъ ихъ. Романъ нашего знаменитаго писателя все больше и больше начинаетъ походить на извѣстные тенденціозные романы: „Шагъ за шагомъ“ Омулевскаго, „Хроника села Смурина“ Засодимскаго, „Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ“ Михайлова и другіе, хотя, конечно, и въ этомъ романѣ есть блестящіе большаго художественнаго таланта, которымъ Горькій несомнѣнно обладаетъ.

Какъ мы уже писали, Горькій, съ отличающимъ его чутьемъ, взялъ для своего романа тему чрезвычайно интересную, самую современную. Въ немъ изображается политическое движеніе среди рабочихъ, пробужденіе массы, до тѣхъ поръ темной и инертной, какъ пробуждается къ духовной жизни героиня повѣсти, мать рабочаго, прожившая всю свою жизнь въ униженіи и тьмѣ. Да, тема интересная, и произведеніе несомнѣнно могло бы увлекать, если бы Горькій отнесся къ этой темѣ, какъ художникъ. Къ сожалѣнію, отношеніе его къ темѣ не свободно, онъ не изучаетъ, не просто изображаетъ, онъ старается данное явленіе прославить, пишетъ не по внушенію своего художественнаго чутья, а по трафарету. И несмотря на весь интересъ темы, все большимъ холодомъ вѣетъ отъ произведенія Горькаго.

Собственно всѣ лица повѣсти Горькаго правдивы, но схематичны, имъ не достаётъ жизни. Можно сказать, что имъ недостаётъ тѣхъ точекъ въ глазахъ, оживившихъ все лицо, которыя поставилъ учитель рисованія на рисункѣ Райскаго въ „Обрывѣ“ Гончарова. Напримѣръ, взять рабочаго Павла. Какъ ни старается авторъ оживить его, придавъ ему нѣкоторыя индивидуальныя черты, но фигура его остается общей, неживой, отсутствуютъ точки въ глазахъ. Еще больше индивидуальныхъ чертъ старался придать авторъ хохлу Андрею. Онъ и говоритъ пѣвучимъ голосомъ, и развѣченныя у него движенія, и вѣчно веселое добродушіе, но оиять-таки нѣтъ точекъ въ глазахъ, онъ не живой, а сдѣланный для опредѣленной цѣли. Даже мать, перерожденіе души которой вовсе не вымыслено, которая переживаетъ такой интересный психологическій процессъ, почти не трогаетъ читателя, за исключеніемъ немногихъ страницъ, когда она старается ожить и — не можетъ.

Дѣло въ томъ, что авторъ прежде всего видитъ въ своихъ герояхъ социалистовъ, рабочихъ, но не видитъ, не заинтересованъ ихъ сложной психологіей, но прежде всего той общественной темой, которую изображаетъ. Напр., какой большаго интересъ представляетъ любовь рабочаго Павла и дѣвушки Сашеньки изъ богатой интеллигентной семьи. Оба они социалисты, но вѣдь среда, прошлое, даже наслѣдственность наложили на нихъ различныя отпечатки, но въ повѣсти мы этихъ отпечатковъ не видимъ, предъ нами не реальные люди, со всей сложностью ихъ психологіи, а социалисты. Въ этомъ и причина холода, которымъ вѣетъ отъ повѣсти М. Горькаго.

По поводу этой повѣсти въ печати поднялись толки (уже не новые) объ упадкѣ таланта М. Горькаго. Насколько это вѣрно, не будемъ здѣсь говорить, — по нашему мнѣнію, талантъ Горькаго даже и не упалъ. Но, во-первыхъ, уменьшилась переоцѣнка его таланта, а во-вторыхъ, самая тема связала полетъ его таланта, вслѣдствіе несвободнаго отношенія автора въ ней. Вѣдь и раньше изъ-подъ пера М. Горькаго выходили произведенія или совсѣмъ неудачныя, какъ „Мужикъ“, или очень несовершенныя, какъ „Томъ Гордѣевъ“ и „Трое“, хотя первый романъ имѣлъ громаднѣйшій успѣхъ среди публики. Послѣдній его романъ

даже, пожалуй, больше выдержанъ, хотя въ немъ меньше красокъ и жизни.

Романъ Н. Гарина: „Инженеры“, насколько мнѣ извѣстно, писался уже давно, еще въ 1900 году, но въ печати онъ появился лишь послѣ его смерти. Романъ этотъ является продолженіемъ „Дѣтства Тѣмы“, „Гимназистовъ“ и „Студентовъ“. Главный герой всѣхъ ихъ—Тѣма Карташовъ, имѣющій много общаго съ авторомъ, который иногда рѣшительно не щадитъ себя, изображая своего героя. Кто зналъ Н. Гарина (Н. Г. Михайловскаго), кто любилъ его за его несомнѣнную обаятельность, при многихъ недостаткахъ, вѣрнѣе мелкихъ слабостяхъ, тотъ съ удовольствіемъ встрѣтитъ его снова въ его романѣ, когда мальчикъ Тѣма сталъ уже инженеромъ, когда онъ одной ногой уже несмѣло вступилъ въ жизнь.

Въ романѣ пока еще нѣтъ инженеровъ и, можетъ быть, къ лучшему. Авторъ со своимъ героемъ снова возвратился въ ту среду, въ которой проходило дѣтство Тѣмы, и воспоминанія дѣтства отразилась на той теплотѣ и поэзіи, съ какой написаны эти страницы произведенія, напоминающія живое и поэтическое „Дѣтство Тѣмы“. Начало, гдѣ выступаютъ только что испеченные „инженеры“, гораздо слабѣе, а каково будетъ продолженіе — это мы увидимъ впоследствии. „Инженеровъ“ напечатано пока только начало.

А. Ум—скій.